

УДК 1(091) + 341.231

К. Д. Бугров

**«ДИСКУРС МОНТЕСКЬЕ»:
РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ Н. И. ПАНИНА***

Анализируется комплекс политических проектов Н. И. Панина в контексте интеллектуальных заимствований из европейской политической философии. Автор рассматривает влияние концепции «континентальной монархии», разработанной в трудах Ш. Монтескье, на складывание политических предпочтений Панина и его сторонников в 60–80-х гг. XVIII в.

Ключевые слова: конституция, суверенитет, разделение властей, монархия, республика, Н. И. Панин, Ш. Монтескье.

* Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» в рамках исследовательского проекта по проблеме «Формирование и актуализация ключевых понятий политического лексикона российской элиты в историческом контексте (1725–1789)».

В отечественной исторической традиции фигура Н. И. Панина (1718–1783) окутана своеобразным флером, который далеко не исчерпывается простой значимостью занимаемых им должностей: посол в Швеции, наставник (обергофмейстер) великого князя Павла Петровича, руководитель внешней политики России с 1763 по 1783 г. Своеобразие фигуре Панина придает связанный с ней комплекс политических проектов, начинающийся со знаменитого проекта создания императорского Совета и реформы Сената 1762 г. Возможный «заговор Панина», скрытая «конституция Панина – Фонвизина», о существовании которой сообщал в XIX в. племянник великого драматурга [см.: Фонвизин М., 127–130], – все это продолжает привлекать внимание историков к личности графа Н. И. Панина. Парадокс, однако, заключается в том, что факт существования проектов отмечается практически всеми исследователями, политические же ориентиры их создателя остаются не такими ясными, как это может показаться.

Под политическими проектами мы подразумеваем комплекс источников разного рода, выражающих взгляды Н. И. Панина на фундаментальные проблемы государственного устройства и методы их решения. Этот комплекс включает в себя проект создания Государственного совета и реформы Сената 1762 г. [СИРИО, VII, 202–217], «Рассуждение о непременных государственных законах» [Фонвизин Д., 254–267], составленное в конце 70-х гг. XVIII в. совместно с Д. И. Фонвизиним, целый ряд писем брата Н. И. Панина, генерала П. И. Панина, к Павлу I в 80-е гг. XVIII в. [см.: Шумигорский, 2–35] и, наконец, две записки самого Павла [см.: Сафонов, 265–270]. Первая из них озаглавлена «Рассуждения вечера 28 марта 1783» и является конспектом беседы Павла с Н. И. Паниным за несколько дней до смерти графа¹, вторая же осталась неозаглавленной.

Ключевым документом в этом комплексе является, без сомнения, проект 1762 г., включающий обширную доказательную часть. Интересно, что в центре этого рассуждения находится не предполагаемый к созданию Совет, а Сенат. Панин тщательно рассматривает властные прерогативы Сената, приходя к выводу, что при «самодержавном государе» Сенат «не может иметь права законодательства», иначе он, во-первых, «выдет из своей границы», а во-вторых, «течение дел в правлении государства часто будет останавливаться и вместо скорых резолюций будут нескончаемые рассуждения и споры о новых законах, а умалчивая, что физической и моральной резоны не позволяют трактовать о законодании, а только оное рассматривать в таком людном собрании, которое, однако же, по другим резонам... тем не меньше нужно и полезно» [СИРИО, VII, 203].

Функцию членов Сената Панин определяет четко: «Разсудить дело по силе указов, а сумнительное из того взнести в доклад». Сенатор приезжает на службу,

¹ 28 марта 1783 г. цесаревич Павел Петрович, вернувшийся с супругой из длительной зарубежной поездки, навестил своего воспитателя и советника, несмотря на то, что посещать опального графа было небезопасно. По свидетельству современников, между ними состоялась длительная беседа, записанная Павлом на память. Парализованный, разбитый болезнью Панин, «голова которого с трудом выносила долгую тиктатуру», торопился поведать воспитаннику сокровенные соображения о государственном устройстве. Спустя два дня после этой беседы графа не стало.

словно «гость на обеде», «еще не зная не токмо вкусу кушанья, но и блюд, коими будет подчиван». Это сравнение являлось не столько критикой в адрес Сената, как вслед за И. де Мадариагой [см.: Мадариага, 74–84] полагали Н. И. Павленко и А. В. Гаврюшкин, сколько констатацией характерной особенности любых «трибуналов» [см.: Павленко, 459; Гаврюшкин, 34].

Итак, «властью законодательной и самодержавной» обладает монарх, однако он «иначе ее в полезное действо произвести не может, как разумным ее разделением между некоторым малым числом избранных к тому единственно персон» и при помощи «устанавливаемого формою государственною верховного места лежисляции, или законодания». Таким местом и должен стать императорский Совет, формируемый из статс-секретарей, руководящих четырьмя или пятью государственными департаментами [СИРИО, VII, 211]. Сенат же в проекте Панина должен был сохранять «свободность представлять» на императорские «повеления», «ежели они в исполнении своем могут касаться или утеснять наши (императорские. – К. Б.) государственные законы или народа нашего благосостояние» [Там же, 214].

«Рассуждения вечера 28 марта 1783» великого князя Павла Петровича обрисовывают контуры той «формы правления», к которой склонялся его воспитатель: «Должно различать власть законодательную и власть, законы хранящую и их исполняющую. Законодательная может быть в руках государя, но с согласия государства, а не иначе, без чего обратится в деспотизм. Законы хранящая должна быть в руках всей нации, а исполняющая в руках под государем, предопределенным управлять государством».

Это и есть Сенат, «хранитель законов и исполнитель законов», формируемый на основании «свободного выбора» с императорской конфирмацией. Впрочем, администрация «политическая, финанцкая, коммерческая, обе военные и казенная» сосредоточена в руках монарха. Павел констатирует физическую невозможность императора «обнять» все эти дела и, очевидно, готовится перейти к уже знакомому по проекту 1762 г. описанию императорского Совета – но записка обрывается на полуслове... [см.: Сафонов, 266–268].

Во второй своей записке, которая, очевидно, была составлена позднее, Павел говорит о «Государевом совете» как о собрании «шефов разных государства дел частей». Сенат же в записке назван «первым судебным трибуналом», который формируется из представителей дворянства на выборной основе (кандидатуры утверждаются монархом) и обладает правом представления.

Написанное Н. И. Паниным и Д. И. Фонвизиним между 1778 и 1783 гг. «Рассуждение о непременных государственных законах» посвящено существенным различиям между монархическим и деспотическим типами политического устройства. Здесь акцент сделан на безвыходности положения «самовластного» правителя, который «тщетно пишет новые законы, возвещает благоденствие народа, прославляет премудрость своего правления... несмотря на собственное его отвращение к тиранству, правление его будет правление тиранское» [Фонвизин Д., 258]. Паралич созидательной деятельности деспотизма – лишь провозвестник конечного краха этого «колосса, держащегося цепями». Во избежание коллапса монарху необходимо точно знать свои права, «чтоб самому не престу-

пить пределов, ознаменованных... самодержавнейшею всех на свете властью, а именно властью здравого рассудка».

Именно в «Рассуждении» содержится важная характеристика Российской империи сквозь призму классификации форм правления: «Государство не деспотическое: ибо нация никогда не отдавала себя государю на самовольное Его правление и всегда имела трибуналы гражданские и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступления (здесь и далее в цитатах разрядка наша. – К. Б.); не монархическое: ибо нет в нем фундаментальных законов; не аристократия: ибо верховное в нем правление есть бездушная машина, движимая произволом государя; на демократию же и походить не может земля, где народ, пресмыкаясь во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя жестокого рабства» [Фонвизин Д., 265].

П. И. Панин внес собственный вклад в сохранение интеллектуального наследия своего брата. В дополнение к «Рассуждению...» Панина – Фонвизина он составил «Прибавление к рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина, сочиненное генералом графом Паниным, о чем между ими рассуждалось иметь полезным для Российской империи фундаментальные права, не прменяемые на все времена никакою властью». Здесь предлагается утверждение «формы государственному правлению, признанной всем разумным светом для монаршеского владения с фундаментальными, неизменными законами». Система управления включает «главное государственное присутственное место» для «управления и преподавания суда и расправы, с наблюдением всю точность и неприкосновенность к не опровержению фундаментальных законов» и особое «государственное присутственное место» для консультаций монарха с «министерским советом» [Шумигорский, 18].

Письмо П. И. Панина цесаревичу, датированное декабрем 1784 г., проясняет важнейший вопрос о связи между «фундаментальными правами» и устойчивостью монархии. Для братьев Паниных, активных участников переворота 1762 г., вопрос о нарушении присяги законному монарху оставался весьма болезненным. Интеллектуальный инструментарий самооправдания исходит из концепции деспотизма. Нарушение присяги правомочно, поскольку «из самих тех законов, которые приемлются во всех благоустроенных государствах фундаментальными законами и вернейшею твердостью держав, ни единой почти не остался в святой неприкосновенности, но все они без изъятия свержены под самовластие». Единственным способом возратить «российских подданных к соблюдению при всяких случаях данных государям своих присяг» Панин считал «союзное сопряжение государя со всею империею... неразрывным узлом утвержденных государственных фундаментальных прав и формы правления» [Там же, 21]. К этому письму был приложен и проект манифеста, посвященный установлению твердого порядка престолонаследия, названного здесь «фундаментальным законом»!

Итак, несмотря на очевидную неоднородность комплекса политических проектов Н. И. Панина (лишь один текст непосредственно принадлежит ему, соавторами остальных являются П. И. Панин, Д. И. Фонвизин или великий князь Павел Петрович), объединяющей идеей этого комплекса является

разграничение властных прерогатив между Сенатом и императорским Советом. Однако остается открытым вопрос: как подобная реорганизация высшего властного эшелона Российской империи должна была повлиять на характер государственности?

Историографическая традиция, относящая Панина к числу сторонников ограничения власти монарха, обычно стремится найти «спрятанный» в текстах его политических проектов представительный или коллегиальный орган «шведского образца», способный провести подобное ограничение в жизнь [см., например: Александров, 33; Ключевский, 63–65; Бильбасов, 19].

Многие исследователи считают возможность подобного ограничения призрачной, а проекты Панина – лишь элементом его личной стратегии политического успеха. Так, А. Б. Каменский вообще усомнился в том, что преобразования, предложенные Паниным и его воспитанником, были способны представить реальную альтернативу абсолютизму Екатерины II: «Никакой речи об ограничении самодержавия в действительности в записке нет, речь идет лишь действительно о попытке создания механизма предохранения от деспотизма. <...> Павел, противореча сам себе, в компетенции Сената – высшей судебной инстанции – предполагал все же сохранить сферу экономики и финансов, т. е. правительственные функции... Различие с планами Екатерины не носит принципиального характера и сводится лишь к созданию аристократического выборного Сената с не вполне ясными полномочиями» [Каменский, 486].

В свою очередь, И. В. Курукин охарактеризовал проект 1762 г. как «обтекаемый и “тягучий”», полагая, что главной его чертой являлась расплывчатость предложений, маскировавшая конечную цель – увеличить политическое влияние Панина [см.: Курукин, 431]; правда, позднее этот же автор отнес проект 1762 г. к числу ключевых «развилки» российской истории [см.: Карацуба, Курукин, Соколов, 221–225]. Наконец, Н. П. Ерошкин видел в панинских проектах олигархическую попытку ограничения власти монарха [см.: Ерошкин, 101].

Другая историографическая традиция расценивает проекты Панина как реальную альтернативу абсолютизму, носящую либерально-конституционный характер. Составители антологии «Классики теории государственного управления» однозначно относят проекты Панина к «либеральной модели управления» и полагают, что в «Рассуждении о неперемennых государственных законах» можно «увидеть в зачаточном состоянии все основные черты либеральной модели: торжество законов над волей одного человека... принятие базовых решений на основе ясно выраженной воли населения... личная ответственность за характер принимаемых решений» [Соловьев, 25]. Акцент на «либеральном» характере предложений Панина делает и Л. Н. Вдовина [141–142]. Весьма оригинально интерпретирует проекты Панина Н. В. Минаева, видя в них попытку введения конституционного строя, органически связанную с масштабным реформированием системы международных отношений в Европе в рамках «Северной системы» [см.: Минаева, 87–88].

Н. Я. Эйдельман был уверен в существовании заговора Панина в пользу Павла I и установления конституционного порядка [см.: Эйдельман, 113–130], а М. М. Сафонов утверждал, что Н. И. Панин и Д. И. Фонвизин «не только

мечтали о конституционном преобразовании страны... но и добивались его скорейшего осуществления» [Сафонов, 271].

Мы склонны согласиться со взвешенным мнением А. Б. Плотникова: «Проекты Н. И. Панина были отражением одной из тенденций в политическом развитии самодержавия, порожденной активным преобразованием важнейших государственных институтов и характеризовавшейся возникновением в структуре государственного аппарата некоторых предпосылок для ограничения императорской власти», причем Панин «искал компромиссные варианты по отношению к самодержавному принципу» [Плотников, 82]. Концепцию заговора А. Б. Плотников отвергает, однако сформированную Паниным альтернативу считает дееспособной, более того, обусловленной реальными потребностями развития государственного аппарата, которые Екатерина II и Панин определяли по-разному.

И все же остается открытым вопрос о содержательной стороне проектов Панина. Из каких источников он заимствовал элементы политического языка и какое значение они получали в конкретной политической практике? Как заметил один из основателей кембриджской школы «новой политической истории» Дж. Покок, процесс использования таких значений определяется историческим контекстом, в котором находится конкретный индивидуум [Роскок, 101–117]. Другой лидер этой же школы Кв. Скиннер так характеризует задачу историка: «Восстановление исторических значений в данном тексте является необходимым условием его понимания, но... этот процесс не может быть достигнут изучением текста самого по себе» [Skinner, 1974, 285]. По мнению Кв. Скиннера, «историк должен фокусировать внимание не только и не столько на так называемых “текстах классического канона”, но скорее на месте подобных текстов в рамках широких традиций общественной мысли» [Skinner, 1998, 101].

Между тем встречающиеся в текстах политических проектов ссылки на «весь разумный свет» и практику «благоустроенных государств» вполне определенно отсылают читателя к более широкому интеллектуальному контексту – д и с к у р с у. По нашему мнению, политические проекты Н. И. Панина стали итогом творческого осмысления актуальных проблем российской государственности XVIII в. средствами политического лексикона, сформированного под сильным влиянием европейской интеллектуальной традиции.

Многочисленные свидетельства хорошего знакомства Панина с этой традицией содержатся в знаменитых «Записках» С. Порошина, одного из учителей великого князя Павла Петровича. Среди упоминаемых европейских авторов особое место занимает Ш. Монтескье.

Так, когда вечером 8 января 1765 г. у великого князя читали «Бюффонову Натуральную историю о зрении и слухе», «пришел Его Превосходительство Никита Иванович» и «разсуждал об оной книге, также и о *Lettres Juives*, *Lettres Persannes*, *Lettres cabalistiques*, *Lettres Chinoises*, и о *Lettres Russiennes*. Говоря о сей последней, сказал Его Превосходительство о авторе ея господине Штрубе “il a dit tout ce qu’il a pu dire, а Монтескиу все Монтескиу останется”» [Порошин, 227–228]. В другой раз обергофмейстер охарактеризовал Монтескье так: «Великой законовонец, а сам судья весьма посредственной» [Там же, 443].

Запись Порошина от 13 октября 1765 г. представляет особый интерес: в этот день Панин продемонстрировал свое знание классификации политических систем Монтескье, беседуя «о Камер-коллегии и о делах камерных, сколь много у нас гражданских установлений взято из шведских законов; что оныя установления и в Швеции тогда оставлены были только на время, после республиканского правления, дабы не произвести во всем весьма крутой перемены, а мы к себе их точка в точку приняли в монархическое правление (и еще в толь обширное), каково наше есть» [Порошин, 476].

Другой пример обращения к Монтескье содержится в «Мнении графа Панина по четырем главным пунктам сообщенным ему князем Лобковичем от имени князя Кауница, относительно до примирения Польши». Здесь шеф российской дипломатии замечает по поводу польских конфедератов: «Богатства сии таковы, что во всяком правительстве были бы они выше меры для партикулярного человека, а тем более они опасны и очевидно предосудительные в правлении аристократическом. Таковы суть неизмеримые имения Радзивилловские, Потоцких, Черторижских, Мнишек и еще некоторых, да и для безопасности самой Польши было бы полезно, если бы их довели до меньшей разницы равенства приличного республиканцам» [РГАДА, ф. 1274, оп. 1, ед. хр. 128, л. 57]. Напомним: Монтескье в трактате «О духе законов» указывал гибельность большого имущественного разрыва в аристократической республике [Монтескье, 1955, 207].

Итак, Панин был хорошо знаком с текстами Монтескье. Этот факт позволяет по-иному взглянуть на внутреннюю структуру его политических проектов. Экскурсы в историю российского государственного аппарата, содержащиеся в проекте 1762 г., обретают легитимацию и доказательность в контексте европейской интеллектуальной традиции, одним из центральных компонентов которой было идейное наследие Монтескье.

Критика елизаветинских времен, которой посвящена значительная часть проекта 1762 г., актуализировалась Паниным в контексте разработанной в трудах Монтескье концепции деспотической формы правления. Однако не менее важны рассуждения Панина о неспособности Сената заниматься законодательством. Здесь он слово в слово повторяет классическое определение одной из слабейших сторон республиканской формы правления, которое активно использовал и французский мыслитель, – медленность в принятии решений. Подобная расстановка акцентов подчеркивает то, о чем впрямую говорилось в бумагах П. И. Панина 80-х гг. XVIII в., – симпатию к монархической власти. Для выяснения значения этого понятия в политических проектах Н. И. Панина необходимо обратиться к текстам Монтескье, прежде всего к трактату «О духе законов».

По обоснованному мнению М. Мошера, Монтескье оставался сторонником доктрины единства суверенитета, следуя разработанной в XVII в. теоретиками абсолютизма Т. Гоббсом и Ж. Боденом идее верховенства суверена по отношению к конкретному распределению властных полномочий между тремя ветвями власти – законодательной, исполнительной и судебной [Mosher, 173–183].

Подобное понимание суверенитета акцентировано Монтескье, когда речь заходит о различиях между монархией и деспотией: «Хотя в этих двух видах правления характер правления неодинаков, тем не менее у них одна и та же верховная власть. Куда бы ни обратил свой взор государь, он всюду заставляет чашу весов склониться на свою сторону, и ему повинуются. Все же различие тут в том, что в монархиях государи – люди более просвещенные, и министры их несравненно искуснее и опытнее в делах правления, чем в деспотическом государстве» [Монтескье, 1955, 186].

Однако просвещение монарха, отличающее его от деспота, – это не просто мера личного образования. В «Персидских письмах» Монтескье, описывая вымышленного просвещенного шаха Узбека, продемонстрировал, что даже хорошо образованный деспот остается монстром [Монтескье, 1956, 350–365].

Дело в том, что в монархии, «передавая власть, государь ограничивает ее. Он так распределяет ее, что никогда не передаст другому какую-то долю своей власти, не удержав за собою большей части ее». Монтескье так характеризует монархию: «Власти посредствующие, подчиненные и зависимые образуют природу монархического правления, т. е. такого, где правит одно лицо посредством основных законов. <...> Эти основные законы необходимо предполагают существование посредствующих каналов, по которым движется власть, так как если в государстве нет ничего, кроме изменчивой и капризной воли одного, то в нем ничего не может быть устойчивого, а следовательно, не может быть и никакого основного закона» [Монтескье, 1955, 175–176]. Кроме того, Монтескье указывал на необходимость особого учреждения, «хранящего» законы, публикующего их и напоминающего, когда о них забывают. Именно этим учреждениям и необходима медлительность в обсуждениях, пагубная в иных случаях [см.: Там же, 177]. Само понятие «фундаментального закона» трактуется весьма интересным образом: «В государствах, не имеющих основных законов, не может быть определенного порядка наследования престола» [Там же, 214]. Этот упрек имеет вполне конкретный адрес (ниже Монтескье напрямую говорит о России после Петра I).

В книге шестой Монтескье распространяет это заключение на все органы судебной власти, подчеркивая, что «в монархии министры не должны быть судьями»: «Совет короля должен состоять из нескольких лиц, а суды требуют большого количества судей. Причина этого в том, что в первом случае за дела надо приниматься и вести их с некоторою страстью, чего можно ожидать лишь от группы, состоящей не более как из четырех или пяти лиц... Наоборот, для ведения судебных дел необходимы деятели хладнокровные, для которых все дела были бы в известном смысле безразличны» [Там же, 229–230].

В монархиях «установлен умеренный образ правления, потому что их государи, обладая двумя первыми [законодательной и исполнительной] властями, предоставляют своим подданным отправление третьей [судебной]» [Там же, 290–300]. Об этих монархиях Монтескье пишет, что они «не имеют своим непосредственным предметом свободу... они стремятся лишь к славе граждан, государства и государя. Но из этой славы проистекает дух свободы, который

может в этих государствах творить дела столь же великие и, возможно, столько же способствовать счастью людей, как и сама свобода».

Соответственно «каждая власть распределена там особым образом, который более или менее приближает ее к свободе, без чего монархия выродилась бы в деспотизм», поэтому «в известных нам государствах государь обладает властью исполнительной и законодательной или по крайней мере частью законодательной, но сам не судит» [Монтескье, 1955, 302–303].

Итак, «просвещение» государей определяется сбалансированным разделением властей и фундаментальным законом (включающим установленное право наследования), что в конечном счете удерживает монархию от превращения в деспотию.

Мы полагаем, что Панин в своих проектах следовал именно этой концепции, находясь, таким образом, в своеобразном «дискурсе Монтескье». Очевидно, Панин предполагал не разграничивать исполнительную и законодательную ветви власти, но отделить от них власть судебную. Центральным элементом проектов Панина оставалось выделение из полномочий Сената функций законотворчества и администрирования, превращение его в «высший судебный трибунал», являющийся одновременно и пресловутым «хранилищем законов», о котором пишет Монтескье [см.: Плотников, 78].

Ключевым элементом, позволяющим говорить о воздействии концепции Монтескье на политические проекты Панина, является введенная в «Рассуждениях» Павла Петровича и Панина выборность Сената. Важным подтверждением такого воздействия является замечание из «Рассуждения о непрелюбимых государственных законах» о том, что характер российской государственности нельзя признать деспотическим, так как нация «всегда имела трибуналы гражданские и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступления». Это утверждение означает, что авторы «Рассуждения» хорошо понимали значение судебной власти в концепции монархии Монтескье.

Между тем к собраниям, наделенным законодательным правом, шеф российской внешней политики относился негативно. В отношении английской внутриполитической системы Панин был полон скепсиса, удивительным образом сочетавшегося с уважением к Англии как ведущей европейской державе.

Хорошо известны жалобы Панина на упорное нежелание английского правительства связать себя союзом с Россией: руководитель российской дипломатии считал такое нежелание порочным следствием парламентской системы [См.: СИРИО, VII]. В своем мнении по поводу «положения настоящего дел Английских и воображаемого Бурбонских домов возвышения» от 31 июля 1779 г. Панин так писал об английском правительстве: «Первое правило политики их заключается в способах и попечении сохранения своего по настоящим моментам... они, раболепствуя оному, не себя подчиняют делам государственным, а напротив, дела ставят и содержат в зависимости от своих частных видов, руководствуясь обыкновенно при всяком новом случае и событии моментными резолюциями без плана». Проявлением этого стал отказ субсидировать антифранцузскую партию в шведском риксдаге, который «не может оправдан быть употребленную лишь отговоркою, что Парламент поставил себе закон не давать

никому в мирное время субсидии подобно как бы определения онаго не были всегда в самой решительной зависимости от собственных его правил» [РГАДА, ф. 1274, оп. 1, ед. хр. 131, л. 12–15]. А в письме к послу в Польше Н. В. Репнину от 29 марта 1765 г. Панин прямо называл причиной всех бед Польши и Швеции принятие решений большинством голосов [СИРИО, VII, 227].

«Записки» Порошина сохранили для нас ряд упоминаний о республиканском правлении. Например, на обеде 21 декабря 1764 г. Панин рассуждал о «самовольстве, которое особливо в польской республике видно» [Порошин, 199]. 20 апреля 1765 г. речь зашла «о Гамбурцах и о Голландцах, о правлении их и о вольности» [Там же, 310], а 3 июня «за столом читали Аглинское о своевольстве тамошневя народу и разсуждали о Аглинском правлении» [Там же, 321]. Наконец, 1 июля 1765 г. Панин имел «рефлекцию» относительно «владения императрицы Анны Иоанновны», «что ежели бы и теперь их братьям боярам дать волю и их слушаться, то б друг друга и нынче сечь и головы рубить зачали. И так в оных строгостях винил министерство» [Там же, 338].

Итак, Панин – сторонник монархии в «дискурсе Монтескье»? Известны три замечания, сделанные по просьбе императрицы осенью 1762 г. на проект Панина. Два из них являются анонимными, и оба они в целом поддерживают проект, делая оговорки в отношении Сената. Так, один из авторов предлагал убрать из текста упоминание о сенатском праве представления, «для того что могло бы таким образом опубликовано быть некоторое сокращение самодержавной Ея Величества власти». Во втором случае отмечалась необходимость следить за Сенатом «недреманным оком», «чтоб самодержавную власть, подобно узде, из рук не выпускать», как это едва не случилось при Анне Иоанновне. В качестве гарантии автор предлагал поставить императорский Совет выше Сената [СИРИО, VII, 218–221].

Третье мнение о проекте Панина принадлежит генерал-фельдцейхмейстеру А. Н. Вильбоа, активному участнику переворота 1762 г. Оно открывается знаменитым утверждением: «Не знаю, кто составитель этого обширного проекта, но мне кажется, как будто он, под видом защиты монархии, тонким образом склоняется более к аристократическому правлению. Влиятельные члены обязательного и государственным законом установленного императорского Совета весьма удобно могут вырасти в соправителей... а такое преобразование неминуемо привело бы к разрушению могущества и величия Российской империи... Русский государь необходимо должен обладать неограниченною властью» [Бильбасов, 17–18]. При этом дробление Сената на департаменты Вильбоа поддерживает, а к праву сенатского представления относится вполне терпимо. Очевидно, именно мнение Вильбоа стало для императрицы поводом отвергнуть проект Панина.

Причиной этого мы считаем желание Екатерины II отвергнуть предложения Панина, одновременно сохраняя намеченный ею самой политический курс, интеллектуальной основой которого послужили опять-таки заимствования из Монтескье [см.: Вальденберг, 2006].

Конечно, Совет предусматривал известное ограничение монаршего произвола в организационном плане (например, ликвидацию фаворитизма), однако

основным элементом предохранения от деспотизма должен был стать Сенат, по-видимому, формируемый на выборных сословных началах. Вновь сошлемся на Кв. Скиннера: «То, чего возможно достичь в политике, в целом ограничено возможностью легитимизации... даже если практикуемые принципы никогда не служат мотивами, а являются лишь объяснениями действий, они все же помогут сформировать и ограничить возможные цепочки действий, которые можно выполнять с успехом» [Skinner, 1998, 105].

Между тем об ограничении монархии Панин не говорил, так как в рамках «дискурса Монтестье» форма правления могла быть либо монархической, либо республиканской. Следовательно, речь могла идти только о создании механизма предотвращения деспотизма с помощью обособления судебной власти. В ином случае проекты Панина были бы связаны с изменением российской формы правления на республиканскую. Замечания Вильбоа на проект 1762 г., по нашему мнению, явились основанием для традиции отождествления политических ориентиров Панина со шведскими образцами. Но для обергофмейстера этот путь был заблокирован: негативное отношение Панина к творческой деятельности различных ассамблей и представительных собраний четко отражено в проекте 1762 г., фигурирует в его политической переписке, а также зафиксировано в «Записках» Порошина.

Екатерина прекрасно знала концепцию Монтестье, более того, подробно воспроизвела ее в «Наказе». Однако у нее было собственное видение идей «президента Монтескиу»: она предпочитала игнорировать систему «посредствующих властей» (о которой коротко и с явной неохотой упомянуто в «Наказе»), в ряде случаев подменяя понятия и заигрывая с концепцией «просвещенного деспотизма» [Beales, 48–49]. Точно так же понятия оказались подменены и в замечаниях на проект 1762 г., сделанных Вильбоа. Панину была уготована роль сторонника аристократической республики по шведскому образцу, которая в «дискурсе Монтестье» определено была непригодна для России [см.: Дашкова, 34]. Сама Екатерина II в Наставлении, составленном в 1764 г. для генерал-прокурора князя А. А. Вяземского, недвусмысленно обвинила Панина в подверженности шведскому влиянию: «Иной думает для того, что он долго был в той или другой земле, то везде по политике той его любимой земли все учреждать должно, а все другое без изъятия заслуживает его критики» [СИРИО, VII, 346].

Вытесненному из «дискурса Монтестье» просвещенному графу не была уготована судьба реформатора, зато его запомнили как оппозиционера, готовившего секретный проект конституции, которая последующим поколениям виделась лишь прологом к их собственной борьбе. Память о содержании политической деятельности Панина стиралась, рождая легенду о «секретной конституции» – красивую загадку в длинной веренице таинств российской истории.

Александров П. А. Северная система. Опыт исследования идей и хода внешней политики России в первую половину царствования императрицы Екатерины II. М., 1914.

Бильбасов В. А. Панин и Мерсье де ла Ривьер // Бильбасов В. А. Ист. монографии. Т. 4. СПб., 1901.

- Вальденберг В. Е.* Екатерина II и Монтескье в их политических воззрениях // *Вопр. философии*, 2006. № 1. С. 115–127.
- Вдовина Л. Н.* Об истоках русского либерализма в XVIII в. // *Европейский либерализм в Новое время*. М., 1995.
- Гаврошкин А. В.* Граф Никита Панин : из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989.
- Дашкова Е. Р.* Записки, 1743–1810. Л., 1985.
- Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
- Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII в. : опыт целостного анализа. М., 2001.
- Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н. П.* Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М., 2005.
- Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь» : очерки политической истории послепетровской России, 1725–1726 гг. Рязань, 2003.
- Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 5. М., 1989.
- Марасинова Е. Н.* Власть и личность : очерки русской истории XVIII века. М., 2008.
- Мадариага И. де* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
- Минаева Н. В.* Никита Иванович Панин // *Вопр. истории*. 2001. № 7. С. 71–91.
- Монтескье Ш.* О духе законов // *Монтескье Ш. Избр. произв.* М., 1955.
- Монтескье Ш.* Персидские письма. М., 1956.
- Павленко Н. И.* Екатерина Великая. М., 2003.
- Плотников А. Б.* Политические проекты Н. И. Панина // *Вопр. истории*. 2000. № 7. С. 74–84.
- Порошин С. А.* Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1881.
- РГАДА.* Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 128 [Сборник документов разного содержания]. Ед. хр. 131 [Мнение Н. И. Панина, вице-канцлера Остермана и всех членов Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел о направлении внешней политики России, с характеристикой внешнеполитических отношений Англии к державам Северного союза. 5 авг. 1779 г. (копия)].
- Сафонов М. М.* Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина // *Вспомогательные ист. дисциплины*. Вып. 6. М., 1974. С. 261–280.
- СИРИО* – Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 7. М., 1871; Т. 57. М., 1887.
- Соловьев К. А.* [Вводная статья] // *Классики теории государственного управления : управленческие идеи в России*. М., 2008. С. 8–28.
- Фонвизин Д. И.* Рассуждение о непременных государственных законах / *Собр. соч.* : в 2 т. Т. 2. М. ; Л., 1959.
- Фонвизин М. А.* Дневники и письма. Т. 2. Иркутск, 1982.
- Шумигорский С. С.* Приложение // *Шумигорский С. С. Император Павел I. Жизнь и царствование*. СПб., 1907.
- Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия М., 1975.
- Beales D.* Enlightenment and reform in 18th-century Europe. L., 2004.
- Mosher M.* Monarchy's Paradox: Honor in the Face of Sovereign Power // *Montesquieu's science of politics: Essays on the Spirit of Laws*. Imprint Lanham, Md., 2001. P. 159–230.
- Pocock J. G. A.* The Re-description of Enlightenment // *Proceedings of the British Academy*. Vol. 125. Oxford, 2004.
- Ransel D.* The politics of Catherinian Russia : the Panin's Party. Yale, 1975.
- Skinner Q.* Liberty before Liberalism. Cambridge, 1998.
- Skinner Q.* Some Problems in Analysis of Political Thought and Action // *Political Theory*. 1974. Vol. 2, nr. 3, Aug. P. 277–303.

Статья поступила в редакцию 12.11.2009 г.